

Натали Палей

Натали Палей

Зеленый луч

СОБРАТЬ МОЗАИКУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П14

Иллюстрация на обложке PANDA

Дизайн Александра Шпакова

Палей, Натали.

П14 Зеленый луч. Собрать мозаику / Натали Палей. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Новые миры фэнтези).

ISBN 978-5-17-160386-1

Я очнулась в военном госпитале, в плену у врага, и ничего не помню о прошлом. Захватчику нужны сведения, он делает всё для того, чтобы сломать ментальный блок и выудить их из моей памяти.

Учеба, друзья, родные, любимый — подробности моей жизни постепенно выходят на свет. Я зеленый луч, избранная Богиней для защиты родной земли и моего народа.

Разрозненные обрывки постепенно собираются в целую картину, и чем дальше, тем страшнее мне становится. Я понимаю: когда мозаика прошлого соберется полностью, враг узнает то, что знать не должен...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Натали Палей, текст
© PANDA, иллюстрация
© В оформлении макета использованы материалы по лицензии @shutterstock.com
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-160386-1

Пролог

Древняя легенда мира Вериус

В магическом мире Вериус было время, когда Многоликая Пресветлая Богиня Мать не справлялась с демонами без избранных.

Тех называли зелеными лучами.

Где появлялись зеленые лучи, жители становились свидетелями «зеленого» заката: огромное бело-желтое солнце заходило за горизонт и в кристально чистом небе испускало изумрудные лучи.

Жители радовались происходящему чуду, не подозревая, что «зеленый» закат — предвестник беды, и теперь только зеленый луч сможет спасти их от демонов, пожертвовав собой.

Проходили сотни лет...

Древнюю легенду вспоминали все реже, избранных становилось все меньше, уже давно никому не приходилось жертвовать собой для спасения других.

Магический мир Вериус становился более развитым и цивилизованным, а демонов изгнали навсегда.

Время шло, и среди жителей магического мира стали появляться свои демоны.

Однажды Богиня Мать упустила момент, когда над миром нависла угроза нарушения магического равновесия, а одна Земля пошла против другой...

Империя Тангрия.

Весна, 3186 год

Я сидела на высоком стуле перед туалетным столиком и смотрела в зеркало на лиру Грин.

Гувернантка тщательно расчесывала очередную прядь моих длинных русых с рыжинкой волос, чтобы аккуратно вплести ее в мои же волосы. Закусив губу, лира Грин сооружала на моей маленькой головке взрослую красивую прическу.

Мне давно надоело сидеть, я ерзала на стуле и мешала гувернантке завершить дело.

— Моя милая лерина, прошу потерпеть еще немного, иначе большинство волос останется на расческе! — произнесла лира Грин, с упреком посмотрев на меня в зеркало, и стала ждать, когда я успокоюсь.

— Вот и все! — через невероятно долгое время произнесла лира.

— Можно к родителям? — с облегчением выдохнула я, сползая с высокого стула, не дожидаясь ответа.

— Можно, — лира еле сдержала улыбку. — Родители ждут в малой столовой. Ох! Подождите! — спохватилась женщина. — Развязался бант!

Гувернантка завязала бант на нарядном платье из белого шелка с тонкими кружевами ручной работы. Его сшили специально для сегодняшнего дня.

— Лерина, как только выйдете из комнаты, не бегите. По ступенькам спускайтесь не спеша, спинку держите прямо, не кидайтесь родителям на шею, просто вежливо поздоровайтесь. Покажите всем, что вы уже взрослая девочка.

— Хорошо, лира Грин, — кивнула я, отчетливо осознавая, что и половины сказанного не выполню.

Мы вышли из комнаты, чинно прошли по коридору и стали медленно спускаться по лестнице вниз, к малой столовой.

Двери в столовую были распахнуты. Я увидела родителей, пьющих утренний чай и наблюдающих за нами.

Терпение лопнуло, как мыльный пузырь. Я перепрыгнула оставшиеся две ступеньки и понеслась к родителям.

— Лерина Стенфилд! — возмущенно воскликнула гувернантка.

Словно неудержимый ураган, я ворвалась в малую столовую и кинулась в объятия отца.

— Папочка, сегодня мне шесть лет!

Папа поймал меня в объятия и весело воскликнул:

— С днем рождения, Светлячок!

— Сегодня наша лерина прошла спокойно на две ступеньки больше, — тихим голосом сообщила лира Грин маму. — Лера Стенфилд, я все объяснила Лорианне, мы с ней договорились, но она... — гувернантка в расстройстве развела руками в разные стороны, — с трудом сдерживает себя.

— Я знаю, лира Грин, — мягко отозвалась мама, — не переживайте. Лори еще ребенок.

Дослушав их диалог, я бросилась в объятия мамы.

— Мамуля, я стала совсем большая!

— Я знаю, дорогая, и поздравляю тебя с этим замечательным днем! — Мама нежно обняла меня и по-

целовала в щечку, с улыбкой заглянула в мои восторженные глаза. — Большие девочки не прыгают через ступеньки, словно кузнечики, ты знаешь это?

— Знаю, — вздохнула я. — А где подарки?! — я завертела головой в разные стороны.

— Сначала нужно позавтракать. — Лира Грин поджала губы, но я уже заметила гору подарков на небольшом столике у окна: красивые яркие упаковки с разноцветными бантами — розовыми, желтыми, голубыми, которые мгновенно притянули мой взгляд.

Я понеслась к подаркам. За спиной раздался смех родителей и ворчание гувернантки, а я с восторгом стала разрывать красивую упаковочную бумагу.

Яркие книжки, большая кукла, заводная собачка! И...

Замерла от охватившего счастья.

— Мозаика! — я обернулась к родителям.

В руках я бережно держала плоскую коробочку, на которой было написано «Мозаика мастера Гринича. Изображение Богини Матери магического мира Верису. Ручная работа. Стекло. 1 000 к.».

Отец с мамой подошли ко мне.

— Это та самая, мамочка? — прошептала я, не веря своему счастью.

На миг на мамином лице мелькнула растерянность, но потом вновь заиграла улыбка. Папа же просто с улыбкой смотрел на меня.

— Нет, Светлячок, ту мозаику купили. — Мама присела рядом со мной на корточки и заглянула в глаза. — Мы с папой взяли другую, но она еще лучше, красивее и в ней больше кусочков.

Мама помогла раскрыть коробку, а я с замиранием сердца смотрела на прозрачную упаковку, в которой лежали разноцветные стеклянные кусочки разной формы и сложенный вчетверо рисунок. Осторожно

раскрыв рисунок, я с любопытством стала его рассматривать.

Огромный золотистый шар, в центре которого большой темно-золотой глаз с тремя зрачками. С четырех сторон шара — Многоликая Пресветлая Богиня Мать в разных образах.

— Смотри, — прошептала мама, водя указательным пальцем по картинке, — это Богиня в образе эльфийки: здесь она худенькая, изящная, с белыми волосами, острыми ушами и магическим луком. А здесь она в образе человеческой женщины с золотым мечом в руке.

Я внимательно слушала маму.

— А вот Богиня в образе оборотницы, симбиоза человека и волчицы — морда и верхняя часть тела принадлежат волчице, а нижняя — человеку, но более крупному.

На картинке Богиня стояла на крепких ногах, вместо человеческих ступней лапы волчицы с огромными когтями, похожими на острые золотые кинжалы.

И, наконец, самый любимый образ: Богиня — магиня с золотыми волосами, убранными в высокую прическу, в золотом платье, с золотым обручем на голове и с золотым светящимся магическим шаром в руке.

Общим во всех четырех образах Богини были только глаза — невозможно прекрасные золотые глаза с тремя зрачками.

Со всех сторон Богиню окружали нападающие на нее страшные черные демоны. Она же в разных ипостасях сражалась с ними, защищая наш магический мир — наш любимый Верюс.

— Будешь смотреть на рисунок и собирать мозаику, — прошептала мама. — Мастер Гринич создал эту мозаику по мотивам древнейшей легенды мира, рассказывающей о том времени, когда Богиня Мать в одиночку защищала наш мир от демонов.

Я не отрывала счастливых глаз от рисунка, который вскоре предстояло собрать, — я давно мечтала об этой мозаике.

Правда, не совсем об этой.

Рисунок той мозаики, которую я хотела, был проще: без демонов и без четырех образов Богини. Нужно было собрать только один прекрасный образ — тот, где Пресветлая в образе магини. Эта же мозаика была больше, красочней и намного сложнее.

— А через несколько веков Богине Матери стали помогать избранные. Их звали зеленые лучи...

Мама еще что-то рассказывала, но я уже не слушала ее, так как стала рассматривать другие подарки.

Несколько дней я собирала мозаику и никого не пускала в комнату, кроме лиры Грин. Родителям я хотела показать уже законченную работу.

— Светлячок, — мама заглянула в комнату. — Лира Грин сказала, что ты собрала мозаику. Можно войти и посмотреть?

— Можно, мамочка, — великодушно разрешила я.

Чем ближе мама подходила, тем растеряннее становилось ее лицо, а потом улыбка совсем с него исчезла.

— Светлячок, ты плакала? — прошептала мама, заглядывая в мои глаза, ничего не понимая.

— Мне было страшно, — нехотя призналась я, потому что не любила, когда мама расстраивалась, и очень надеялась, что она не заметит того, что я плакала до ее прихода. — Но теперь все хорошо.

— Что случилось, Светлячок?

— Меня напугали демоны, мамочка, но я их убрала из мозаики. Теперь мне не страшно, — улыбнулась я, стараясь изо всех сил выглядеть веселой.

Мама перевела взгляд на разложенную на столе мозаику, ее глаза широко распахнулись.

— Светлячок, так нельзя собирать. Ты собрала только яркие и красивые кусочки, а где остальные? Остались дырки...

— Они от черных стеклышек. Из них получают страшные демоны, которые мне не нравятся, — тихо буркнула я.

— Но такой рисунок мозаики не полный, Светлячок.

— Зато никому не страшно, — прошептала я, передрнув плечиками.

Мама взяла меня на руки, посадила на колени, обняла и поцеловала.

— Милая, это всего лишь мозаика, и нужно сложить все кусочки вместе, чтобы полностью собрать картинку. Чего ты испугалась?

— Не хочу собирать все. Мне не нравятся демоны, они состоят из черных кусочков. Очень противных, — упрямо пробормотала я. — Хочу собрать так. Без них.

— Какая ты еще маленькая и ранимая, — тяжело вздохнула мама. — Хорошо, Светлячок, собирай как хочешь. Но... — Она осмотрела стол, коробку из-под мозаики и удивленно спросила: — Где недостающие кусочки?

— Я их сломала. — Я отвела глаза, потому что стало неудобно перед мамой.

— Но зачем? Когда ты вырастешь и не будешь бояться черных демонов, сможешь собрать мозаику полностью. Где они?

Я исподлобья посмотрела на маму, на ее озадаченное лицо.

— Я их раскрошила, — прошептала я. — Я уничтожила страшных демонов. — И очень тихо призналась: — Эти кусочки в мусорном ведре.

Я покосилась на маленькое мусорное ведро, в котором сейчас находилась гранитная ступка с пестиком, позаимствованные из кухни. В ступке я раскрошила пугающие меня кусочки мозаики в мелкий стеклянный порошок.

— Можно было убрать их на время, — тяжело вздохнула мама. — Спрятать. Эта мозаика в единственном экземпляре. Мы не найдем потом подходящие кусочки, чтобы собрать полный рисунок.

Мама крепко прижала меня к себе. Она уже не хмурилась и не расстраивалась, просто шептала на ушко ласковые слова, а я смотрела на мозаику и понимала, что та выглядит странно, но нравится мне именно такой — без демонических темных кусочков.

Глава 1

Острая боль мучила и не отпускала. Тело словно покрылось тонкой коркой льда, которая сковывала движения...

Я смутно понимала несоответствие сна и реальности: холода я не боялась, с раннего детства плавала в ледяной воде. Почему же снилось, что мерзну?

«Я люблю плавать?.. В ледяной воде?..»

— Очнись, тангрийка! Тва-а-арь! — мужской голос прозвучал глухо, будто издалека.

Меня передернуло.

Но, похоже, только мысленно. Тело осталось неподвижным.

Хотела проснуться, открыть глаза — я ощущала себя на грани сна и яви, но не получилось.

Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой... Сплю или нет?

Или утонула... в Ледяном озере?

«Ледяное озеро... Я знаю его...»

Я почувствовала нарастающую панику. Я ничего не понимала. Словно через толстый слой ваты услышала сверху, очень далеко от меня, жуткое завывание:

— Очухивайся! Неужели сдохла?!

Топот тяжелых ботинок совсем рядом... Резкая боль где-то под ребрами. Она вывела меня из ненормального болезненного сна.

— Капитан нас пристрелит, если вернемся без его любимой игрушки! — услышала я недовольное бурчание над собой. — Чтоб ты сдохла!

«Больно... Холодно...» — запульсировало в висках.

— Наверное, не встанет, — другой мужской голос прозвучал разочарованно.

Снова острая боль. Все там же. Под ребрами.

«Что это?.. Меня пинают?..» — мелькнула вполне осознанная мысль.

Я попыталась ухватиться за нее, но она быстро ускользнула. Вновь захотелось спать.

Уснуть мне не дали. Сломанной куклой я повисла в чьей-то руке.

«Сломанной куклой? Я? Кто я?.. Что происходит?..» — мысли затолкались, мешая друг другу, не давая сосредоточиться хотя бы на одной.

Безумно пугая меня.

Меня грубо затрясли, голова замоталась из стороны в сторону, я поняла, что теряю сознание.

«Как же хорошо... Так лучше...»

Странно... я как будто лежала на потолке лицом вниз...

Подо мной маленькая каменная комната. Тесная. Мрачная. Без окон. С узкой железной кроватью. Освещалась лампочкой, сиротливо свисающей с потолка.

Двое мужчин заполнили собой половину комнаты. Один — здоровый детина с толстой шеей, длинными

руками и огромной лохматой головой, второй — прилизанный, невысокий, худой. На обоих одинаковая одежда.

Военная форма?

Здоровяк держал в огромной руке за волосы или за шерсть нечто бесформенное, грязное и окровавленное.

Человека? Животное? Непонятно.

Я смотрела на этих троих сверху и ничего не понимала.

Почему я вижу так отчетливо? Почему меня не видят? И почему нет боли и холода?

Я проснулась?

Но я же не могу лежать... так...

— Твою мать! От нее воняет! — ругнулся здоровяк с косматой головой. — Похоже, никакая она. — Военный наклонился к бесформенному тюку, который держал в руке, прислушался к чему-то, резко отшатнулся, раздраженно и зло добавил: — Демоны ее дери! Померла, что ли? Капитан будет недоволен.

— Будет, — лениво отозвался второй тип, который прилизанный. — С другой стороны, капитан знатно развлекся с ней. Со всей силой своей «широкой» души.

Оба загоготали, а я продолжала сверху их рассматривать.

— И нам не давал скучать, — усмехнулся здоровяк. — Кто бы поверил, что это тело, — он потряс то, что держал в руке, — когда-то принадлежало хорошенькой девице. Целой лере! Чтоб демоны ее забрали!

Когда здоровяк затряс бесформенное нечто, меня затопила невыносимая боль. Сразу стало холодно. И вдруг я осознала, что я вернулась... в свое тело. То тело, которое трясли, — вонючее, окровавленное и бесформенное, — мое тело.